

Лидия Чарская

Сирена

Лидия Чарская

Сирена

«Public Domain»

1907

Чарская Л. А.

Сирена / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1907

Зеленые звезды залучились, заискрились... Ало-красные губы раскрылись...
И странное существо усмехнулось неожиданно и насмешливо, обнажая
ряд своих белых и острых, как у мышонка, зубов... Повесть о таинственной
девушке, дикарке с доброй душой.

© Чарская Л. А., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лидия Алексеевна Чарская

Сирена

Глава I

В чужом краю

Густой, серый и бесформенный туман непроницаемой пеленой стлался по дороге. Было холодно и сыро, как осенью, хотя лето только что начиналось, холодное северное лето.

Маленькая двухколесная тележка, плачевно скрипя всеми своими рессорами, мягко подпрыгивала по проселочной дороге. Вдали глухо шумело море, беспокойное в этот мглистый, туманный, серый вечер.

– Далеко? – обратился ехавший в бричке человек к вознице.

Великан латыш, весь съезжившийся и ушедший с головою в высокий стоячий воротник своего белого вадмала,¹ казавшийся каким-то фантастическим существом в сером облаке тумана, повернул к нему свое бесстрастное бритое лицо и произнес невнятно:

– Не понимай по-рюсска! Но, но! – прикрикнул он тут же на свою малорослую лошадку, и без того бежавшую стремительно-быстрой рысцой. Еще стемнело. Туман сгустился больше, в его прихотливые волнообразные очертания приняли чудовищные размеры. Промозглый, сырой, далеко не летний вечер, казалось, плакал без слез. Колючая струйка сырости проникла под серый кожан путешественника, заставив его задрожать мелкой, зябкой дрожью. Какая-то сонливость отягощала веки, сковывала истомой и реяла над ним в виде сонной, нерадостной грезы.

– Где мы? – попытался он еще раз спросить возницу.

Тот понял на этот раз вопрос. Медленно повернулся на козлах, поднял кнут и, указывая им на три стороны поочередно, произнес тем же деревянно-бесстрастным тоном:

– То Зегевольд... То Трейден... Редевольд дальсе...

Что-то темное огромным чудовищем выдвинулось из бесформенной массы тумана. Лес! – мелькнула догадка в усталой голове ехавшего, и под шум моря он забылся.

Легкие, как незримые мотыльки, сонные грезы закружились над головою задремавшего путешественника... Встали далекие, милые картины недавнего светлого прошлого.

Его звали Сергеем Александровичем Скоринским. Он был студентом второго курса и, пользуясь летними вакациями, ехал на урок.

На первый свой урок!

Скоринские были небогаты. Отец – мелкий чиновник, мать – учительница музыки, сестра Наташа – гимназистка шестого класса и он, Сережа, – студент.

Ему страстно хотелось быть полезным семье, и он бесконечно обрадовался, когда ректор университета рекомендовал его на урок в Лифляндский край, к какому-то оригиналу-барону, жившему еще по образцу прежних феодалов в старинном замке на морском берегу.

Пятьдесят рублей ежемесячно – порядочная сумма для бедняка-студента, и немудрено поэтому, что Сережа Скоринский горячо поблагодарил ректора и с восторгом принял его рекомендацию.

Он сел вчера вечером в вагон, крепко расцеловавшись с провожавшими его родителями и с сестрою, а с полдня уже трусил на этой бричке, управляемой исполином-латышом, в глубь края.

¹ Кафтан.

Его сонные грезы рисовали ему милые образы близких – доброе лицо отца, кроткие черты матери и лукавые глазенки шалуны-сестры.

Вдруг неожиданный толчок.

Тележка стала.

– Редевольд! – произнес тот же бесстрастный голос над его ухом.

И Сережа окончательно проснулся.

... ..

Что это? Перед ним теснится что-то серое, бесформенное, утонувшее в море тумана... Точно огромное чудовище, выгнувшее спину, а кругом лес, странный, черный и таинственный, глухо рассказывающий о чем-то...

– Редевольд! – еще раз произнес латыш.

– Подъемный мост! – догадался Сережа, и ему показалось странным встретить теперь, в наше время, этот остаток грозной феодальной старины...

– Но куда же идти, однако?

– Куда идти? – обратился он к вознице.

– Не понимай по-русски? – отвечал ему с неподражаемым равнодушием тот же бесстрастный голос.

– Ах, шут тебя возьми, – скорее растерялся, нежели рассердился юноша.

– Что же мне теперь делать? Ах да, заплатить надо прежде всего этому чучелу! – сообразил он, и, достав портмоне из кармана, рассчитался с возницей. Тот пробормотал что-то, чего Сережа не понял, и, медленно взгромоздясь в свою таратайку, задергал вожжами. Бойкая лошадевка взяла с места рысцой, и снова запели, запищали и заскрипели рессоры удаляющейся брички...

Латыш уехал, оставив Сережу одного.

– Ну и нравы! – с комическим отчаянием развел руками молодой Скоринский и двинулся вперед, прямо по горбтому мосту, изогнувшему над рвом свою огромную круглую спину...

Шаг, другой... третий... пять и десять и двадцать шагов, и неожиданно его вытянутые в мглистый серый сумрак тумана руки уперлись во что-то влажное, твердое, как скала.

«Ага, ворота! – сообразил юноша. – Будем стучать!»

И в тот же миг его здоровые кулаки заработали о тесовые доски. Оглушительный лай неприятными, пронзительными звуками врезался ему в уши... Целая свора собак бросилась, казалось, к внутренней стороне ворот...

К собачьему лаю скоро присоединились и другие звуки... Кто-то, гремя ключами, шел по двору.

– Кто там есть? – послышался глухой голос, произнесший эти слова по-немецки.

– Я... впустите, пожалуйста... Сергей Скоринский, из Петербурга, – взмолился юноша, отлично чуть ли не с трехлетнего возраста владевший иностранными языками.

– Учитель молодых господ? – не говорил, а, скорее, стонал голос: так он был глух и безжизнен за стеной...

– Да... да, учитель... Только впустите поскорее...

Снова загремели ключи... Узкая полоска света тонким жалом просунулась сквозь щель ворот и дерзко прорезала серую мглистую туманную пелену... Ворота распахнулись, и в тот же миг высокий человек с фонарем в руках очутился лицом к лицу с Сережей. Собаки с оглушительным воем кинулись на вновь прибывшего. Но высокий человек свирепо замахнулся на них связкой ключей и гаркнул своим глухим и в то же время мощным голосом изо всей силы:

– Трильба... Турбой... Норд... Тубо! Тубо, вам говорят, безмозглые псы!..

Собаки мигом поджали хвосты и стушевались... Они безмолвно обнюхивали пришельца и поглядывали на него с вполне явным недоброжелательством.

Сереза быстрым оком взглянул на их укротителя. Серое, бесцветное, сумрачное лицо. Угрюмые глаза и что-то бесстрастное, холодное в складках около губ и носа.

– Кремень человек! Этот не расчувствуется! – вывел свое заключение юноша о новом знакомце.

А Кремень-человек, между тем, запер ворота, отогнал собак и, сделав знак Скоринскому следовать за собою, неторопливо зашагал по двору.

Сереза с любопытством старался рассмотреть странную, совершенно новую для него обстановку, но туман мешал ему сделать это. Было видно только, что двор был окружен высокой стеной. Кое-где она развалилась от времени, и новенький тесовый забор заменял местами старые камни и плиты... Эта стена, этот двор, этот подъемный мост, – все напоминало ему какую-то чуть тронутую влиянием веков старую крепость. Посреди огромного двора стояло мрачное серое здание, глянувшее на Серезу темными, слепыми глазами своих неосвещенных окон... Это и был замок Редевольд, под кровом которого ему суждено было провести целое лето.

Сердце Скоринского сжалось... Неуютность и мрачность нового жилья неприятным холодком повеяли ему в душу.

Его молчаливый, не менее мрачный, нежели самый замок, спутник привел его на огромное каменное крыльцо... Два каменные льва с копьями в пасти, с хвостами, обвитыми змеями, стояли у входа, как бы преграждая собою путь каждому, решавшемуся с недобрый замыслом проникнуть сюда.

– Герб баронов Редевольд! – с нескрываемой гордостью произнес спутник Серезы, указывая на каменных львов связкою ключей.

– Вы латыш? – живо спросил юноша, обрадованный внезапным нарушением молчания его мрачным спутником.

– Я немец! – отвечал тот тоном оскорбленной гордости, и его глаза слабо сверкнули в надвигающихся сумерках туманной ночи. Печально на ржавых петлях запела входная дверь... и на Серезу повеяло сразу воздухом живого жилья... Они шли теперь – немец и он – по длинному, казалось, бесконечному коридору... Снова запели ржавые петли, и Сереза очутился в крошечной комнате с высоким сводом и скромным убранством. Единственное окно комнаты выходило в сад, но в его темные стекла беспокойно бились мохнатые ветви ели, выросшей под самым окном... Узкая кровать, умывальный столик, письменный стол с рваной клеенкой, старый круглый комод, несколько стульев и кресел – вот и все, более чем скромное, убранство маленькой комнаты.

– Вот ваше помещение! – произнес глухой голос немца, – можете ложиться... В 8 ровно встают молодые господа... Вы должны быть готовы к этому времени... Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – поспешил ответить Сереза, довольный уже тем, что сейчас останется наедине сам с собою...

Немец ушел, суровый, угрюмый, молчаливый и таинственный, как привидение.

А юноша быстро разделся, с наслаждением прыгнул в постель, вытянул в ней уставшие от долгой тряски ноги и в тот же миг уснул как убитый...

Глава II

Первое знакомство

Сережа спал... Во сне ему казалось, что где-то близко плещет море седовато-синей волной... или ручеек журчит, быстрый, смеющийся, неугомонный.

Если бы он мог открыть глаза в эту минуту, он бы понял, что это не ручеек и море. Но он спал. Спал и не слышал. Ничего не слышал, как мертвый.

Между тем в его комнате происходило нечто. Во-первых, серого, мглистого и бесконечного тумана точно и не было ночью.

Солнце сияло всюду, лучистое, радостное и прекрасное июньское солнце. Оно заливало расплавленным золотом своего огнистого сияния всю комнату разом и две небольшие фигурки в длинных, как у египетских жрецов, ночных рубашках, вертевшихся у его постели.

Это были два мальчика – старший лет двенадцати, красивый, надменный, с гордым взглядом серых, круглых, как у молодого ястреба, глаз, с тонким носом и раздувающимися ноздрями. Черные густые брови сходились у него на переносице и придавали что-то строго-суровое его недетски выразительному лицу. И все же он был хорош собой.

Его брат – десятилетний ребенок с огромною белокурою головою, слабый и хрупкий, казался бы настоящим дурнушкой с его толстыми губами и вздернутым носом, если бы не карие, мягкие, влажные глаза, добрые и прекрасные; они скрашивали это худенькое, белобрысое и болезненно-унылое личико. Оба мальчика, чуть слышно ступая босыми ногами, приблизились к постели спавшего Скоринского и осторожно склонились над ним.

– О, Эддик, смотри, как он хорош! Какое благородное, открытое лицо у него! – произнес с восторгом темноглазый мальчик.

– Вздор ты мелешь, Павел, – резко оборвал его брат, и его серые, стальные глаза с нескрываемой враждебностью остановились на сонном и действительно красивом лице Сережи. – В нем столько мешанства. Сейчас видно, что перед его фамилией не стоит частичка «фон», необходимая для каждого порядочного человека. Ведь он – прислуга!.. Пойми, глупыш, такой же слуга, как Иоганн, Анна и Франц.

– А между тем я сам слышал, как папа велел ему накрывать с нами, а не в людской столовой, – осторожно возразил белокурый мальчик.

– Это оттого, что он ученый. У него медаль. Но руки ему ни я, ни папа подавать не будем... Вот увидишь! – безапелляционно решил Эддик, и его серые, стальные глаза зажглись недобрым огоньком.

– Как жаль!.. Он такой красивый! – мечтательно произнес Павел, разглядывая сонное лицо Сережи своими прекрасными карими глазами...

– Бедняк он! – презрительно произнес его брат, оттопыривая нижнюю губу, – бедняк, нищий.

– А разве дурно быть бедняком? – робко осведомился младший брат у старшего. Старший, Эдуард, презрительно сощурился.

– Ты глуп, если не понимаешь этого. Бедность и нищета не дают поклонения и подобострастия окружающих, – произнес он тоном, не допускающим возражений.

– А мне кажется... – робко заикнулся Павел.

Как раз в эту минуту Сережа пошевелился. Мальчики в три прыжка очутились у двери. Но было уже поздно. Блестящие синие глаза учителя широко раскрылись.

– Кто вы, маленькие духи? – произнес он, беззвучно смеясь.

– Барон Эдуард Вальтер фон дер Редевольд! – с надменной гордостью в сверкающем взоре произнес чернобровый Эдуард и стал в вызывающую позу, глубоко запустив руки в карманы своих еще по-детски коротеньких брюк.

– Павел Редевольд! – просто и ласково произнес младший барон, протягивая Скоринскому свою худенькую ручонку. Сережа взглянул на смешную надменную фигурку старшего барона и невольно расхохотался. Так он был забавен в своей надменной кичливости!

– Вы мне напоминаете маленького петушка, который неудачно пробует на заборе свой молодой голос! – произнес он, внимательным, зорким взглядом окидывая стройную, широкоплечую, но все же комичную фигуру Эдуарда.

– А... вы... вы... вы напоминаете... оципанную ворону, попавшую в гнездо орла! – дерзко отвечал Эдуард, вполне довольный своею находчивостью.

Но Скоринский, казалось, не разделял его мнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.